

УДК 947(571)

В.А. Зверев

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЙ СТРОЙ В ДЕРЕВНЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г.)

На основе данных большого массива первичных переписных листов (более 6300), а также опубликованных материалов Всеобщей переписи населения дана обобщенная количественная характеристика структурно-функциональной организации институтов брака и семьи в селениях Западной Сибири. Обоснован вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. изучаемая сфера, где господствуют традиционные порядки, начинает втягиваться в процесс модернизации.

Ключевые слова: семья, деревня, традиции, перепись населения.

Культура демографического поведения, брачной и семейной жизни, существующая в современной России, формировалась в течение трех столетий в процессе модернизации традиционного общества. Основная масса населения нашей страны (крестьянство и городские низы) втягивалась в демографическую и социокультурную модернизацию, по мнению ряда исследователей, со второй половины или с конца XIX в. [1. С. 112–157; 2. С. 9–17, 62–64; 3. Т. 1. С. 209–211]. Цель настоящей публикации – дать конкретно-историческую, преимущественно количественную по форме, характеристику семейно-брачного строя в деревне Западной Сибири того времени, когда в регионе, наряду с другими модернизационными процессами, намечился демографический переход.

Наше исследование опирается в данном случае на материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января 1897 г. Этот источник в определенной его части уже использовался нами и рядом других специалистов для изучения семейно-брачных структур и их динамики в селениях Западной Сибири [4–6]. В данном случае мы возвращаемся к его анализу, чтобы, во-первых, уточнить и обобщить уже сделанные на его основе выводы, во-вторых, поставить некоторые новые вопросы и произвести новые подсчеты, необходимые для их решения.

Перепись 1897 г. дала первоклассные количественные данные для изучения людности и структуры семейного домохозяйства и семейно-брачных ячеек общества в любой местности и во всех категориях населения России конца XIX в. Дело в том, что программа переписи предусматривала, в частности, выделение среди всех частных хозяйств, население которых подлежало учету, во-первых, «хозяйств лиц одиноких», во-вторых, семейных «хозяйств лиц, связанных родством». Среди последних определялись «лица, принадлежащие к семейству домохозяина». В Западной Сибири, которую мы рассматриваем в границах Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области, перепись охватила всю территорию, кроме малозаселенных и труднодоступных Березовского и Сургутского округов Тобольской губернии.

Судя по опубликованным данным переписи [подсчитано по: 7. Т. 78. С. 6–7; Т. 79. С. 6–7; Т. 81. С. 4–5], в сельской местности Западной Сибири,

как и в целом по стране, основную массу частных хозяйств составляли семейные дворы, состоявшие в основном из «лиц, связанных родством». Одинокое лицо являлось главой всего лишь 2,7 % частных хозяйств. Среди семейных домохозяйств 9,6 % состояло из двух человек, 12,9 % – из трех, 15,8 % – из четырех, 16,6 % – из пяти, 41,5 % – из 6–10, и только 3,6 % – более чем из 10 человек. В одном семейном дворе соединялось в среднем 5,66 человека, из них 5,39 являлись членами семьи домохозяина. Женщин в категории «семьянистых» людей было немного больше, чем мужчин: количественное соотношение в пропорции 2,75 к 2,64 было в их пользу. Деревенские семейные домохозяйства в регионе были многочисленнее городских всего на 7 %, но количество членов семьи домохозяина в сельском дворе было больше, чем в городском, на 24 %. Иначе говоря, в деревенских домохозяйствах гораздо меньшую долю их людности составляли лица, приселенные, «посторонние» домохозяину и его близким родственникам.

Имеющиеся публикации материалов переписи не отражают всей информации о деревенских семьях, собранной переписчиками. Весьма продуктивным оказывается обращение к первичным материалам – переписным листам формы А и Б, содержащим данные о каждой сельской семье, как крестьянской (такие, безусловно, доминировали по своей численности в общей массе), так и некрестьянской. Мы обработали дубликаты подворных карточек переписи по Тобольской губернии, сохранившиеся в Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». В случайную выборку вошло 41 сельское общество из тех восьми округов губернии, которые были охвачены в 1897 г. переписью. В отобранных обществах, включавших 95 селений, нами изучены семейные структуры во всех наличных 6293 дворах*. «Хозяйств лиц одиноких» в указанном массиве оказалось 3,1 %, что близко к величине, средней для всех западносибирских деревень. Средняя людность домохозяйств и семей, их распределение по количеству членов, половой состав в нашей выборке тоже близки к параметрам, присущим всей сельской местности Западной Сибири, что позволяет считать выборку репрезентативной.

При изучении подворных карточек выяснилось, что в большинстве хозяйств одиночек, примерно в 20 % семейных дворов наряду с домохозяином и членами его семьи проживали «посторонние» лица (сельскохозяйственные наемные работники, няни и прислуга, квартиранты, призреваемые лица, воспитанники и пр.), которые в некоторых случаях соединялись в собственные семейные ячейки. Для сравнения: в своей выборке, включавшей первичные карточки переписи 1897 г. по шести селениям Тобольской губернии, историк А.Н. Сагайдачный обнаружил около 30 % домохозяйств с приселениями [б. С. 48].

Продолжая анализ первичных карточек, мы применили метод типологической группировки: выявленные в семействах домохозяев и приселениях к ним брачные пары (и законные, и «сожительства»), которых выявлено более

* Работа с первичными карточками переписи 1897 г. осуществлялась по источникам: Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

100) были объединены по возрасту мужа и соотношению возраста супругов. Пригодные для этого семейные ячейки группировались также по количеству детей, по числу поколений, по структурному типу.

Сравнительный возраст супругов в деревенской среде – немаловажная характеристика и демографического, и экономического потенциала домохозяйства и семьи. Анализ возраста мужей и жен, предпринятый нами по материалам выборки (табл. 1), показал, что 72,3 %, т. е. подавляющее большинство деревенских браков в Тобольской губернии второй половины XIX в., заключались либо ровесниками, либо людьми с разницей в возрасте, не превышавшей пяти лет, по большей части в пользу мужчин. Такой вывод в первом приближении был сформулирован уже в одной из давних работ, на начальной стадии обработки нами первичных материалов переписи 1897 г. [8. С. 74, 80]. Однако в учебном пособии О.Н. Шелегиной наша позиция представлена в искаженном виде [9. Вып. 2. С. 39], что заставляет еще раз вернуться здесь к рассмотрению данного вопроса.

Таблица 1

Количество брачных пар с различным соотношением возраста супругов в селениях Тобольской губернии (1897 г.)

Соотношение возраста, лет	При возрасте мужа, лет						Всего	
	Менее 31		31-50		Более 50		абс.	%
	абс.	%	абс.	%	абс.	%		
Ровесники	393	20,7	658	18,5	324	16,8	1375	18,6
Муж старше жены на								
1	306	16,1	345	9,7	143	7,4	794	10,8
2	234	12,3	307	8,7	146	7,6	687	9,3
3	170	8,9	253	7,1	100	5,2	523	7,1
4	115	6,1	218	6,2	78	4,1	411	5,6
5	110	5,9	209	5,9	104	5,4	423	5,7
6	59	3,1	152	4,3	63	3,3	274	3,7
7	37	1,9	140	3,9	52	2,7	229	3,1
8	31	1,6	115	3,2	43	2,2	189	2,6
9	17	0,9	66	1,9	38	2,0	121	1,6
10	11	0,6	161	4,5	99	5,1	271	3,7
1-5	935	49,3	1332	37,6	571	29,7	2838	38,5
6-10	155	8,1	634	17,8	295	15,3	1084	14,7
11-15	8	0,4	258	7,3	182	9,5	448	6,1
16-20	–	–	86	2,4	129	6,7	215	3,0
Более 20	–	–	24	0,7	141	7,3	165	2,2
Жена старше мужа на								
1	166	8,7	212	6,0	103	5,4	481	6,5
2	92	4,8	114	3,2	70	3,6	276	3,7
3	62	3,3	67	1,9	37	1,9	166	2,3
4	34	1,8	56	1,6	20	1,0	110	1,5
5	16	0,8	50	1,4	26	1,4	92	1,2
1-5	370	19,4	499	14,1	256	13,3	1125	15,2
6-10	35	1,8	46	1,3	20	1,0	101	1,4
Более 10	5	0,3	12	0,3	7	0,4	24	0,3
Итого:	1901	100	3549	100	1925	100	7375	100

Данные табл. 1 показывают: чем моложе были мужья (а их возраст тесно коррелирует с продолжительностью пребывания в браке), тем доля брачных союзов, заключенных ровесниками или близкими по возрасту (с разницей до пяти лет) партнерами, была выше. При возрасте мужей старше 50 лет она составляла только 59,8 %, в группе с мужьями 31–50-летнего возраста поднималась до 70,2, а в ситуации с мужьями младше 31 года достигала 89,4 %. Если суммировать только браки ровесников и лиц с разницей в возрасте, не превышающей три года, все равно они составляют большинство – 58,3 %. При этом их доля в указанных выше группах брачных пар, образовавшихся в основном в диапазоне от 1850-х до середины 1890-х гг., повышается в такой последовательности: 47,9; 55,1; 74,8 %. Наши наблюдения хорошо согласуются с положением Н.А. Миненко о том, что уже в первой половине XIX в. «безусловное преобладание в западносибирской деревне получили браки с разницей в возрасте супругов не более 4 лет» [10. С. 187]. Во второй половине XIX в. близость возраста женихов и невест сохранялась и, по-видимому, усиливалась. Эта тенденция рельефно проявлялась в первом браке, но в некоторой степени она сдерживалась сохранением несоответствия возраста партнеров, вступавших во второй или третий брак.

Точное количество повторных альянсов наш источник не позволяет установить, но внимательный анализ первичных карточек переписи 1897 г. приводит к предположению: доля таких альянсов в общем количестве деревенских браков не превышала 15–20 %. По данным А.Н. Сагайдачного, аккмулированным из метрических книг, в с. Викулово Тарского округа (езда) за период с 1863 по 1914 г. вторые браки у мужчин составляли 13,5, а третьи – 3,6 % [6. С. 77–78]. Типичный повторный брак выглядел так: вдовец «в годах» женился на сравнительно молодой девушке или (реже) вдовице. По данным переписи населения 1897 г., в Западной Сибири среди женщин 17–19-летнего возраста, самого востребованного на «брачном рынке», 72,4 % составляли девицы, а вдовы – только 0,2 % [подсчитано по: 7. Т. 78. С. 26; Т. 79. С. 24; Т. 81. С. 17–18].

В табл. 1 группы браков с возрастом мужей от 31 до 50 лет и, тем более, свыше 50 лет включают повышенное количество пар, находящихся во втором или третьем браке. В этом факте мы усматриваем одну из причин сравнительно меньшего соответствия возраста супругов в этих группах по сравнению с той группой браков, в которой состояли мужчины моложе 31 года. Другая причина, как показано выше, не структурная, а историческая: представители старших групп заключили свои браки, как правило, раньше – в тот хронологический период, когда разница в возрасте женихов и невест была более заметной.

Количество детей учитывалось нами для каждой брачной пары, основной для конкретного семейного двора. Чаще всего это были дети домохозяина. Распределились 6267 брачных пар по количеству у них наличных в момент переписи живых детей следующим образом: бездетными оказалось 16,7 % супругов, от одного до трех детей имели 59,6 %, остальные 23,7 % вскармливали четырех и более «челяденков». В среднем на одну брачную

пару (включая и бездетных) приходилось 2,27 наличных ребенка, на ячейку с детьми – 2,73.

Для сравнения с этой среднестатистической для деревни ситуацией, которая формировалась главным образом в крестьянской среде, мы определили детность 328 попавших в нашу выборку брачных пар сельских пролетариев. Выяснилось, что у 33,5 % супругов-батраков не было детей, от одного до трех детей имели 58,3 %, четырех и более – 8,2 %. На одну пролетарскую супружескую пару приходилось в среднем всего 1,29 наличного ребенка, на батрацкую пару с детьми – 1,94.

Сгруппировав те семьи, которые составляли основу частных семейных домохозяйств, в зависимости от числа поколений родственников, объединенных в них, мы получили следующую картину. Однопоколенными были 12,1 %, два поколения фигурировали в 58,5 %, три – в 28,2 %, четыре – в 1,1 % семейных ячеек.

Далее те же семьи группировались по типам внутренней структуры родственных связей. Применялось два варианта такой группировки. Наш авторский вариант [5. С. 39–40] позволил установить, что даже без учета домохозяев-одиночек более половины наличных семей (53,2 %) в тобольских селениях выглядели как простые ячейки. Это были супружеские пары с незамужними/неженатыми детьми или без таковых. Семей, действительно сложных по структуре – содержащих несколько нуклеарных ячеек, родственников по боковой линии, – оказалось не так много, как можно было ожидать.

Для того чтобы сравнить по структурному типу деревенские семьи Западной Сибири конца XIX в. с уже известными историкам «гнездами» семей и семейных домохозяйств, существовавшими в разное время в Европейской России и других странах мира, мы использовали еще одну группировку. Это широко применяющаяся в международной научной практике классификация английского ученого Питера Ласлетта [11. С. 132–157]. В данной классификации все семьи по их структурному типу распределяются на следующие группы: 1) одиночные лица; 2) семьи из нескольких родственников, не образующих брачные пары; 3) нуклеарные, или простые семьи (брачные пары с неженатыми чадами, супруги, живущие отдельно от своих взрослых детей, вдовцы/вдовы с детьми); 4) расширенные семьи, включающие других холостых или вдовых родственников; 5) составные семьи, объединяющие несколько брачных пар с их потомством. Составные семьи, по Ласлетту, подразделяются на три подтипа: корневые (родители и один женатый сын, иногда имеющий уже своих детей); братские (двое или более женатых братьев); большие патриархальные семьи (родители и несколько женатых сыновей с их потомством).

Согласно нашим подсчетам*, в 95 селениях Тобольской губернии конца XIX в. наличные семьи распределялись по их структуре следующим образом (табл. 2). Предельно простые и несложные по структуре ячейки 1–3-го типа в сумме составляли более половины – 55,9 % всех семей. Относительно сложные по составу расширенные и составные семьи (4-й тип и 5-й со всеми под-

* Автор выражает признательность за участие в подсчетах аспирантке кафедры отечественной истории НГПУ Е.В. Коневой.

типами) в совокупности имели 43,1 %. Категорию сложных можно увеличить на 1 % за счет «прочих» семей: к этой группе мы отнесли ячейки с очень сложной и нестандартной структурой.

Таблица 2

**Количество сельских семей с различным типом структуры (по П. Ласлетту)
в Тобольской губ. (1897 г.)**

Тип семьи	Юго-западные округа		Северо-восточные округа		Вся губерния	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1. Одиночки	128	3,7	81	2,8	209	3,3
2. Родственники без брачных пар	56	1,6	32	1,1	88	1,4
3. Простая семья	1720	49,6	1547	53,2	3267	51,2
4. Расширенная семья	622	17,9	473	16,3	1095	17,2
5. Составная семья	915	26,4	736	25,3	1651	25,9
В том числе:						
5а – корневая	721	20,8	564	19,4	1285	20,2
5б – братская	86	2,5	73	2,5	159	2,5
5в – большая патриархальная	108	3,1	99	3,4	207	3,2
6. Прочие семьи	29	0,8	38	1,3	67	1,0
Итого:	3470	100	2907	100	6377	100

Таблица 2 позволяет сравнить состав семей в северо-восточных, менее развитых в социально-экономическом отношении округах Тобольской губернии (Тарском, Тобольском, Туринском и Тюкалинском), и в юго-западных, более освоенных и развитых – Ишимском, Курганском, Тюменском и Ялуторовском. Ранее в одной из работ, «посчитав» около половины выбранных первичных карточек переписи 1897 г., мы предположили, что в двух этих группах округов могла быть существенная разница семейной структуры, в силу зависимости таковой от уровня социально-экономического развития субрегионов [12. С. 89–90]. В результате обработки всех карточек наше предположение не оправдалось. Влияние указанного фактора в данном случае количественно не проявилось: распределение деревенских семей по типам структуры оказалось в двух группах округов почти идентичным. Так, доля несложных ячеек 1–3-го типа на юго-западе составила 54,9, а на северо-востоке – 57,1 %. Разница в 2,2 % статистически несущественна.

Выявленная нами в Тобольской губернии картина оказалась очень похожей на семейную структуру сельского населения Европейской России, где в 1897 г. составная и расширенная семьи в сумме составляли 46,6 %, а несложные семьи первых трех типов – 53,4 % [3. Т. 1. С. 226]. По мнению известного историка Б.Н. Миронова, это сходство – важный аргумент в обосновании той точки зрения, что в изучаемую эпоху демографическое развитие нашего края происходило одновременно и согласованно с Европейской Россией. Сибирь не была регионом «третьего эшелона» в переходе от традиционного к современному типу воспроизводства населения [13. С. 9].

Однако, будучи частью Российской империи, Западная Сибирь обнаруживала признаки принадлежности ко «второму эшелону» демографической

модернизации. По данным П. Ласлетта о ситуации в восьми странах Европы и Северной Америки, там уже в XVI–XVIII вв. простая ячейка 3-го типа составляла от 70 до 90 % всех семейных домохозяйств, а сложносоставные семьи 4-го и 5-го типов в сумме набирали не более 20–30 %. Только в одной из обследованных местностей Японии отмечен сходный с Европейской Россией и Западной Сибирью конца XIX в. характер распределения типов семейной структуры: почти поровну были представлены малые семьи первых трех типов (51 %) и большие семьи (49 %) [11. С. 150–157].

Итак, материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. позволили определить множество важных параметров того семейно-брачного строя, который доминировал в селениях Западной Сибири конца XIX в. Традиционная сущность этого строя проявлялась, прежде всего, в теснейшей связи частного крестьянского хозяйства как социально-экономической ячейки и семьи – ячейки физического и социокультурного воспроизводства населения. Традиционные явления – небольшая доля домохозяев-одиночек в деревенских усадьбах; немалая средняя людность семьи; значительный удельный вес браков, заключенных «неравными» по возрасту партнерами; распространность среднедетных и многодетных ячеек; сравнительно большая доля семей со сложной структурой родства. Такие явления показывают ошибочность выводов А.Н. Сагайдачного о том, что «эволюция крестьянской семьи Западной Сибири, которая происходила на протяжении XVIII и XIX вв., к началу XX в. была завершена», что демографические процессы здесь развивались «уже на завершающем этапе демографического перехода» [6. С. 97–98]. Замеченные нами инновации в семейно-брачных отношениях и структурах – оптимизация соотношения брачного возраста супругов, малодетность семей в формирующемся классе сельских пролетариев, численное преобладание несложных по структуре семейных ячеек и прочие – еще не определяли общую картину, но свидетельствовали о начале процесса демографической модернизации.

Литература

1. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
2. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.
4. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993.
5. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. Новосибирск, 1991.
6. Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904–1905.
8. Зверев В.А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 73–88.
9. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: социокультурные аспекты, XVIII – начало XX в. М., 2002.

10. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – начала XX в.). Новосибирск, 1979.
11. *Ласлетт П.* Семья и семейное домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость и семья за три века. М., 1979. С. 132–157.
12. *Зверев В.А., Конева Е.В.* Структура деревенской семьи в Западной Сибири в свете классификации П. Ласлетта // Пишем времена и случаи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 85–91.
13. *Мионов Б.Н.* Сибиреведение сегодня // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 5–13.